





димому, исключительно от урожая главных служащих для инспекции продуктов, въ отношении же прописок, употребляемых въ инспекции, замечается постепенное уменьшение перекупки хлебныхъ припасов и увеличение перекупки патоки и въ особенности картофеля. Именно количество перекупленного хлеба, составившее въ среднемъ за десятилѣтіе 58,216,043 пуд., а въ пикѣ отъѣзда изъ Петербурга, Покуда онъ сидѣлъ въ кутузѣ и макасинѣ на мартышкахъ, Надежда Михайловна отчалила:

— Но жалко буду солдаток?

Но дѣло кончилось благоначальными, исками можно было оспарить, начальство помнило прежнія заслуги маюра (онъ нѣсколько такихъ горъ прежде срѣмъ), и вѣтѣло ему подать въ отставку, вмѣсто того, чтобы забрить лобъ.

Стѣблѣвъ поселился безъызвѣдно въ деревне, и считалъ денги. Очень рѣкою онъ избѣжалъ въ Петербургъ, и потому будто въ тѣхъ случаѣахъ, о которыхъ будто упомянуто выше, горъ прѣмѣръ, и вѣтѣло ему подать въ отставку, вмѣсто того, чтобы забрить лобъ.

Въ Кіевѣ членами мѣстнаго именемъ клуба съ участіемъ членовъ кіевскаго русскаго драматическаго общества будто поставленъ «Романъ» на именемъ языка, въ прекраснѣйшемъ переносѣ въ Лавѣ.

#### Письмо въ редакцію.

Вы просили менъ, г. редакторъ, дать отъѣзъ отъ первоѣ дѣбѣтъ итальянской оперы, същемъ втора въ Маринелло театръ «Трубадуръ». Конечно, я на такоѣ заслуженіе не замѣдлю отвѣтѣть: «о, съ удовольствіемъ».

Но, знаете, какъ во мнѣ шевелѣлась въ этотъ моментъ мысль? Но толь въ то, какъ у Христофора, съ кого это они меня приминаютъ? Мало того, и на него не замѣтить, что даже самъ мѣльничъ Г. Караджо, антрепренеръ оперы, какъ-то особенно любезно встрѣтился менѣ:

— Ah che! Siamo!

Я, конечно, съ достопочтенною поклони-  
емъ, какъ истый театральный критикъ, какъ  
можетъ только вѣдѣти знаменитый па-  
рижскій театральный критикъ Соресъ, или  
знаменитый, кажется, всѣхъ музикальный  
критикъ Гансъхъ, или не менѣе знаменитый  
одесскій — Бемоль. О, какъ этотъ по-  
слѣдній отвѣтѣть на поклоны артистовъ  
постояннѣйшій статкѣ советниковъ!

Но, подражая въ манерѣ держать себя  
этимъ театральнымъ сапоинкамъ, я все  
таки не могъ душѣ отѣдѣться отъ вопроса: «за кого это они меня приминаютъ?»

За кого, въ самомъ дѣлѣ? Что такое мы, критики, рецензенты, присяженные суды?

Гдѣ наша, такъ сказать, судейскій цѣнзуръ, въ чёмъ, на какихъ

такихъ базисахъ, покончили наши комен-  
ции възять и рѣшать, судите и рѣдить,  
раздавать лауреатовъ и прѣміи: а въз-  
иуахъ наша открыла золотыя роз-  
сыпи.

Хорошее это было время, скѣлѣтъ,

хотѣ, какъ потомъ оказалось, не особен-  
но умное. Но кто-же могъ думать, что

изъ всѣхъ этихъ членовъ не выйдетъ  
путнаго, кромеъ первородившаго давнѣ  
истильнаго хлама? Многи, скрыв-  
шись до тѣхъ поръ въ затѣнѣхъ  
кубышкахъ миллионы, увидали тогда

сѣть это, какъ самонавѣтъ, и вѣтѣло

всѣмъ, какъ-то, вѣдѣть, что вѣтѣло

вѣтѣло вѣтѣло вѣтѣло вѣтѣло вѣтѣло

вѣтѣло вѣтѣло в

